

A misty forest scene with tall, dark trees and a small wooden structure, possibly a cabin or a small house, nestled among the trees. The ground is covered in dense green grass and foliage. The overall atmosphere is mysterious and ethereal.

Сказание о лесных

Диана Чайковская

Диана Чайковская

Сказание о лесных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69415555

SelfPub; 2023

Аннотация

Колдовской лес – место, где звери разговаривают на человеческом языке, играют вместе с русалками, водят за нос Лешего и вместе встречают праздники Колеса Года. Здесь обитают ведьма Марта с младшим братом Кёльбергом, лисица Тэмира, ворона Тампт, а также многие другие. Их жизнь полна приключений – как весёлых, так и трагических. Маленькая лисица влюбляется в учтивого эльфа, Кёльберг вынужден спастись от зимнего холода, а Марте предстоит долгий и тяжёлый труд во имя Природы.

Содержание

Часть 1. Записки у ведьминой избы	5
I. Самайн	5
II. Сестринство	8
III. Эльф, лисица и глинтвейн	10
IV. Холод	13
V. Лисица и ворон	16
VI. Лугнасад	22
VII. Сон в зимнюю ночь	28
VIII. Морозная Матерь	30
IX. Возвращение	36
X. Рассветное	39
XI. Лис и лисица	41
XII. Полёт	43
XIII. Грибы и Леший	46
XIV. Листопад	51
XV. Снег и кровь	56
XVI. О лисице и эльфе	59
XVII. Остара	65
XVIII. Да вспыхнет пламя!	68
I. Лисья весна	71
II. Неугомонные	76
III. Ночь огня	80
IV. Свадебное	85

V. Закатное	89
Эпилог	93
Часть 3. Чумное время	98
I. Пляска стихий	98
II. Камни	101
III. Кровавый Йоль	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Диана Чайковская

Сказание о лесных

Часть 1. Записки у ведьминой избы

I. Самайн

Самайн играл разными красками, от светло-жёлтых, ярких, тёплых, почти пламенных, до чёрных и леденящих кожу.

Смутное время нынче настало – каждый год в канун праздника нечисть старается разгуляться как можно сильнее, а ведьмы хватаются за обереги и варят настои, испускающие ароматный дым.

Колдовством в октябрьском воздухе пахло так, что инквизиторские псы у городских ворот протяжно завывали, пока их хозяева проверяли, хорошо ли сидят в ножнах лезвия, и поглаживали лошадиные морды, готовясь начать очередную охоту.

Выходишь воевать на два фронта, прячешь травы глубоко

в погребѣ и шепчешь духам леса, чтобы запутали нежеланных путников, задержали их, пока магия не наденет невидимый плащ и не спрячется в бытовых вещах.

Нарис бежала на четырёх лапах, хрустя листьями и попутно принюхиваясь, нет ли погони. Так и в капкан можно угодить, но волчица искренне надеялась на свою удачу. Главное сейчас – пересечь эту часть как можно быстрее, пока не начнётся ведьмина тропа, а там уже можно не бояться: где грибы при полной луне светятся бирюзовым, а на каждом дереве вырезаны непонятные чужакам знаки, где кроны и птицы слышат всё и говорят человеческим языком, где не ступала нога ни одного живого инквизитора, – находится их общий дом.

Чем ближе Самайн – тем страшнее выбираться в город, да и вообще за пределы ведьминого леса. Сегодня схватили Бланку, позавчера пропал Кёрис, а исчезнувшие неделю назад Тильда и Бор висели в виде чучел на городской площади. И это только из волков, а уж если вспомнить всяких ведуний и вещунов...

Нарис мотнула головой, отгоняя мрачные мысли, и перепрыгнула через небольшой овраг. Почти добралась. Впереди уже слышалось, как сплетничают между собой знакомые вороны. А вот и Кельберг, летит к своей сестре Марте с ка-

кой-то побрякушкой в клюве. Кавалер, однако.

Раз-два-три – дом! Нарис раскрыла пасть и протяжно завывала, приветствуя всех-всех и ускорила, вытянув язык. Как приятно вернуться живым!

...Превращаться в человека больно. С возрастом становится острее чувство, что каждую частичку твоего тела медленно и мучительно разрезают. Волчица свалилась прямо на листву и потянулась за припрятанной у дуба одеждой.

Она дома, она дышит и она чертовски этому рада. Как только наступит зима и придёт время волчьей поры, соберётся стая и непременно поквитается за своих, но осень – осень была инквизиторской. Горящей. Пламенеющей и призывающей зарываться поглубже в лес.

А кто не спрятался – тот и виноват.

II. Сестринство

Есть вещи, о которых ведьмы не говорят. Они прячут их в себя, глубоко—глубоко, чтобы ни одна живая душа не узнала о существовании подобного. И единственная, кто может тебя понять, — это твоя сестра, не кровная, но связанная другими узами. Она тоже молчит. Молчит, но ведаёт. И вы обе сходитесь у лесного костра, чтобы просто вместе помолчать. Каждая — о своём.

Тайны давили и рвались на свободу, как рвутся на волю пойманные птицы, но Марта держала крепко. Казалось, вот-вот — и сорвётся оно с языка, как только вспыхнет алым костёр!...

Гёрта сжала сестринскую руку и посмотрела в глаза, в которых сила Бездны сплелась с секретами. Их секретами. Неведомыми друг другу, но знакомыми.

Женщины болтливы. Но у ведьм есть вещи, о которых надо молчать. Молчать и помнить о силе сказанного слова. И чем опытней и мудрей ведьма — тем больше у неё таких вещей.

— Скоро главная жатва, — как бы невзначай промолвила

Гёрта. Она старше, она ведает о многом. Кто знает, какие тайны скрывает сестра? Никто – и тем лучше для всех.

– Самайн, – а в голове – крики тех, кто не смог удержать рот на семи замках. Они сходили с ума и горели чёрным пламенем, ярко и завораживающе до безумия, пока не погасли. Что стало с их душами – остаётся загадкой.

Чужая боль змеёй ползла по сердцу и не давала покоя. Кто знает, может она, Марта, тоже когда-нибудь вот так вот?...

– Ты справишься, потому что ты сильная, – Гёрта знала, о чём говорила. По крайней мере, Марте очень хотелось в это верить. – Даже если не осознаёшь своей силы.

Пока сестра была рядом, утихало шипение запертых тайн, и тихий, но такой зловещий скрип засовов становился терпимым.

Гёрта верила в неё, и из этой веры растекалась целая река солнечного тепла, делая желанным каждый вдох и выдох. В такие моменты Марта как никогда ранее чувствовала жизнь всеми частичками своей сущности.

И была уверена, что справится. Со всем.

III. Эльф, лисица и глнтвейн

Приманить Тэми легко. Едва учуяв запах корицы, она неслась на всех четырёх лапах вперёд, утопая по самую морду в сугробах. Лисица знала: где корица, там и глнтвейн, а где глнтвейн – там добрый эльф. Вообще зимой все приличные эльфы либо спят, либо сидят, запершись в своих логовах, и наслаждаются ароматом сушёных трав.

Тэми никогда их не понимала. Всю зиму просидеть в духоте, когда можно купаться в пушистом снегу и с наслаждением вдыхать свежий морозный воздух? Не ей, лисице, говорить об эльфах. Тяжко, наверное, беднякам без зимней шубы.

Но Светлый никогда не был приличным представителем своей расы. К матушке-зиме он относился с равнодушием, равно как и к любой другой погоде.

Тэми кралась едва слышно, как во время охоты. Вот он, желанный казанок с горячительным напитком багрового цвета, окружённый со всех сторон эльфийскими рунами. Чтоб ни одна нежить не проскочила.

Светлый делал вид, что не замечает торчащего рыжего

хвоста на фоне огромных белоснежных деревьев, и продолжал помешивать варево.

– Да ты никак поднабрала, – эльф улыбнулся так, что лисице захотелось налететь на него и откусить ухо. То самое, из которого торчит серебряная серёжка.

Ведьмин лес спал. Одна лишь нежить бегала в поисках поживы и уютного уголка, где можно будет переспать ночь.

У них не бывает ни дома, ни гнёзд, как у птиц, потому что лисья жизнь – это вечная погоня и беготня до страшной и выкалывающей глаза темноты. А уж если рядом топчутся люди, то сиди безвылазно и выжидай, попутно думая, как и куда будешь бежать в случае чего.

Впрочем, в холодные месяцы людей здесь почти не водилось. Поэтому большую часть своего времени Тэми носилась в поисках еды и приюта.

Точнее, просто приходила к Светлому, то и дело норовя утащить в зубах казанок и вылакать всё в одну морду. Эльф смеялся. А особенно звонко — в те моменты, когда лисица старательно кралась, а затем отскакивала в испуге или улетала в сугроб так, что только лапы оставались торчать.

Несмотря на то, что она всё равно получит свою порцию и место у костра.

– Что-то глупая из меня лисица получается, – а сама подвигает отдающий специями напиток поближе к морде и с наслаждением втягивает нечто тёплое, пряное, чересчур волшебное и далёкое от покалывающего шерсть мороза. Такое, что ни запахом, ни ароматом не назовёшь.

– Или слишком хитрая, – качает головой Светлый.

Тэми же утыкается мордой в кружку, предпочитая ничего не отвечать.

IV. Холод

«Лисы делают что-то только ради собственной выгоды или интереса. Лисы могут приходить и уходить, когда им вздумается, не считаясь с мнением других. Подойти к лису на близкое расстояние практически невозможно, если зверь вам не доверяет».

Тэми читала и краем глаза наблюдала, как огромные лесные сугробы за окном стекают водой и сменяются скатертью белых цветов. Смотреть на это из дома Марты было чем-то невероятно уютным, особенно, когда хозяйка разрешила свить лисье гнёздышко из пахучих трав, чтобы иногда зарываться в него носом и засыпать с урчанием, уносясь на какие-то несколько часов в другие миры.

Марта вообще старалась держать своё жилище в порядке, особенно по весне, потому что в эти месяцы вот-вот должен был вернуться с Юга её брат-ворон Кёльберг. Честно признаться, крылатых Тэми любила только тогда, когда видела их смачно поджаренными в медовом соусе с кунжутом.

– Кажется, лапа ещё не совсем зажила, – Марта отвлеклась от своей пряжи и взглянула на лисицу. Кто бы мог подумать, что та по удивительной глупости перепутает дороги,

скатится комом прямиком по крутой снежной горе и мгновенно угодит под охотничий арбалет?

«И, наконец, лисы обладают способностью выживать в любых условиях, даже в тех, в которых дикий зверь с воем завалился бы на бок и погиб. Благодаря врождённой хитрости...»

– Я съем твоего брата, – Тэми отвернулась к стене и представила, каково сейчас на далёком Севере, где такие, как она, перегрызают глотки волкам, поклоняются Огню и не вылезают из пылающего жаром тесного логова, пока снаружи снежинки размером с куриное яйцо кипят, жалят, подобно наконечникам охотничьих стрел, и взрываются на ветру. Наверное, хорошо, иначе бы старшие туда не ушли.

– Даже по лисьим меркам это будет наглостью, – фыркнула хозяйка.

– Сказал человек.

Дом Марты безумно прекрасен, он светел и приветлив в те моменты, когда тебе нужно отлежаться и отдохнуть от вечной беготни. Но и только.

Кельберг действительно прилетел. С карканьем спрыг-

нул с дерева и обернулся странным неопрятным юношей со взъерошенной шевелюрой. Тэми выглядывала из кустов и поневоле радовалась, глядя как бывший вороном со смехом кружит свою сестру, а затем, окончательно убедившись в том, что приютившая её на зиму ведьма больше не станет тоскливо вздыхать при виде ворот, вильнула хвостом и понеслась по талому снегу, сквозь который пробивались россыпи ярких подснежников, к окраинам леса. Каким необъятным он ей казался раньше и каким маленьким был сейчас! Порой лисице неистово хотелось вернуть эти ощущения, когда она с опаской кралась по каждой тропинке и тщательно вынюхивала, нет ли поблизости врага. Или боялась, что содохнет посреди зимы от скуки, когда почти все лесные обитатели спали едва ли не мёртвым сном.

Боль в лапе действительно напоминала о себе, а ещё о том, что ни один из её братьев не попался бы так глупо, потому что Север подобных ошибок не прощает. А братья – она чувствовала – живы и люты не по-лиси.

«Да восславится Север, кипящий кровью!» – так и хотелось завывать от всей души. Однако не время, не место, и вообще для лисицы это неприлично. Но приличной лисицей Тэми себя никогда и не считала.

V. Лисица и ворон

1.

– Ты же вроде бы собиралась на Север?

Лисица не ответила, только лихо юркнула в дом и пробежала к родному гнёздышку. Кёльберг заварил черничный чай и разлил по двум чашкам размером с оленью голову, а часть оставил в иссиня-чёрной тарелке. С другой Тэми и не стала бы пить.

– Как ты могла отдать ей мою любимую? – почти угрюмо возмущался поначалу ворон. Затем привык. И к чашке, и к шерсти на одежде, и к прищуренным глазам, ярко пылающим в темноте.

«Если лисы к кому-то привязываются, они этого никогда не показывают», – гласил отрывок из «Лесной Энциклопедии», от которой Тэми не отрывалась порой целыми сутками.

– Холодно, – выдала наконец лисица. – На Севере – холодно.

– Ты же любишь холод, так? – Марта, подобрав платье, опустилась на просыревший пол и принялась разбирать остатки пряжи. Если бы ведьма сейчас взглянула на свою приятельницу, то заметила бы искреннее недоумение, которое та пыталась спрятать за пушистым рыжим хвостом.

Кёльберг косился на Тэми молча: так бесстыдно врать не могло ни одно лесное существо. За исключением, пожалуй, двоих.

– Я хочу увидеть лето, – признаваться в этом было почему-то невероятно стыдно.

2.

Ноги по щиколотку утопали в песке, деревья с выющимися вдоль столбов лианами остались далеко за спиной. Они вышли рано утром, когда едва-едва начало светлеть, теперь же солнце тянулось к линии горизонта и окрашивало кровавым цветом сухую кору и кроны. Среди сосен было легче собирать цветы, шишки, иглы – в общем всё, что валялось мимо тропинок. Марта со скрученными в кольца ветвями ив срывала нужные травы. Позади слышался шум: Кёльберг и Тэми наперебой отбирали друг у друга кусок берёзы, который тащили уже несколько часов с рощицы. Лисица лупила юношу лапами по ноге со всей дури, пока тот торжественно подни-

мал над головой отвоёванный в жестокой схватке трофей.

Обиженная Тэми, устав в своих попытках отомстить ворону, вильнула хвостом и была такова.

– Я многодетная мать, – выдохнула Марта. Лисица прижалась к ней носом, явно желая, чтобы её приласкали.

– Твой брат – наглая скотина, – казалось, животное вот-вот разразится слезами и свернётся в клубок, спрятавшись от рухнувшего на неё отчаяния.

– Я знаю, – ведьма с довольным видом начала сплетать лежащие в жёлтых иглах стебли между собой, петля за петлёй, пока не получился красно-зелёный венок с искрящимися золотом зёрнами колосков, прикрытыми покровом свежей хвои. Марта для верности скрепила всё это великолепие салатовой веткой ивы и воодрузила на голову подруги.

– Спасибо, – та смотрела уже совсем по-другому, мечта победные искры в сторону ворона.

Ощущать ведьмин венок на себе было до одури приятно, и лисица наслаждалась этим с лихвой. Будь она котом, то, наверное, замурчала бы, как мурчит Коготь, их общий питомец, когда его нежно поглаживают за шею и кормят куряти-

ной.

Тэми успокоилась и прилегла возле сосны, наблюдая сквозь лёгкий туман дремоты, как Марта соединяет между собой стебельки. Подошедший Кёльберг принялся помогать сестре. Вместе они сами являлись чем-то удивительно гармоничным и сплетённым природой. Тогда парень-ворон представлялся ей именно тем, кто был нужен Марте больше всех сокровищ и чудес Вселенной.

Лисица расплылась в улыбке. Настоящая семья, ничего не скажешь.

И тут же подорвалась с места и вгрызлась зубами в тот самый зловеющий кусок берёзы. Кёльберг с жалобным взглядом посмотрел на сестру. Марта закатила глаза и махнула рукой, мол, Создатель с вами.

Тогда юноша, весь пламенеющий от азарта, понёсся вслед за лисцей глубоко в чащу, где уже заканчивались сосны, заметно уступая густым зарослям, в глубинах которых похрапывал старик Леший. Впрочем, уже не похрапывал, а грозно махал маленьким кулачком.

– Совсем молодежь разгулялась! Никакого спасу нет от вас, негодных! – фыркал совсем по-старушечьи.

– Не то слово, – тихо согласилась ведьма. Кажется, со сбором и прогулкой пора заканчивать, иначе потом перед половиной лесных жителей извиняться придётся за беспощадность. Тут хоть всю жизнь травы-ягоды рви, всё равно – на каждого не напасёшься!

3.

– На вот, понеси, – Кёльберг пытался всучить в пасть Тэми добротный и пахучий зелёный пучок, – а то болтаешь много.

– Маарррртааа! – лисица взревела по-волчьи. – Можно я ему глотку перегрызу чисто случайно?

Ведьма спокойно шла впереди и старалась не обращать внимания на творящийся за плечами дурдом. Домой они возвращались с руганью, песнями (иногда это одно и то же) и играми, словно затянувшаяся прогулка ни капли не утомила.

– Даже я уже подумываю, что у вас мозги одни на двоих, – фыркнула ведьма и пошла ещё быстрее, чтобы оторваться от этого балагана, а не возглавлять его.

Фраза Марты вызвала ещё большую вспышку. Кёльберг незаметно подобрался к сестре и хватанул ту за подол платья. Каким чудом не разлетелось всё, что было кропотливо со-

брано, остаётся лишь догадываться. Ведьма даже не вздрогнула – саданула локтем гадёныша и зашагала себе дальше.

Тэми в очередной раз показала ворону язык и присоединилась к подруге, ступая рядом и горделиво покачивая венком.

– Женщины, – многозначительно вздохнул юноша и поспешил занять место по левую руку своей сестры, чтобы не уступать лисице ни в чём.

VI. Лугнасад

1.

Зазвенели колосья, едва заслышав крики утренних петухов. Селяне повалили все вместе: женщины тащили с собой детей, а мужчины с орудиями труда устремились к центру поля. Вот он – великий праздник Лугнасад, обозначающий сбор урожая и подготовку к жестокой зиме!

Серп, запущенный нехилым детиной ростом с молодой дуб, замер у окраины леса, аккуратно рядом с носом лисицы. Та собралась было его заинтересованно обнюхать, но Кёльберг покачал головой.

– Я тоже хочу с ними играть! – решительно заявила Тэми.

– Поиграем позже, – ведьма растянула губы в улыбке.

И не обманула: пока девки кружились в танце, размахивая во все стороны длинными косами, цветастыми юбками и бисерными поясами, троица разлеглась на росистой траве и не без интереса наблюдала за огромной охапкой пшеницы – святым местом и обиталищем полевой русалки. Сама она притаилась в глубинах и ждала повода, чтоб улизнуть от че-

ловеческих рук и пуститься в бега.

– Впервые вижу русалку без рыбьего хвоста, – Тэми покосилась на её травянистый подол юбки – чего в нём только не было! И цикорий, и зверобой, и лён, и пшеница, и ячмень, кое-где даже проглядывали листики дуба и зелёные жёлуди. Не русалка, а невеста Лешего прямо-таки!

– Я, вообще-то, в поле обитаю, а не на болоте! – заскрежетала зубами та.

– Вот она! – коренастые парни ринулись толпой, заметив мелькнувший вдали веноч. Царевна полей выпрямилась во весь рост и тут же растворилась в воздухе, оставив шлейф дивных листьев. Кёльберг довольно потряс мешок с семенами, чтоб услышать изнутри звонкое и возмущённое «Ай!»

Тем временем на поиски местной нечисти бросились все, кому не лень – остальные крутились у ворот пекарни или пивной.

В игру включилась и Тэми – как понеслась с выпученными глазами по полю на всех четырёх лапах. Кто-то уж было схватился за вилы, чтоб спровадить лисицу обратно в лес, но староста деревни знаком повелел не трогать – негоже злить природу в Лугнасад, если та, конечно, не приносит вреда.

А русалка со вскриком вывалилась из мешочка, цапнула пальцами плечо перевёртыша*, затем перепрыгнула через стог сена и осела у колодца, игриво подмигивая Водяному, который высунулся из своей обители, чтоб разругаться на нерадивую молодёжь за шум.

– Ищи-свищи, – усмехнулась Марта, глядя, как упорно роятся мужики в золотистой траве, разгребая пшеничные заросли огромными руками.

– Как в воду канула, – жаловался деревенский староста. Тэми согласно кивнула и принялась – в воздухе пахло злаками и свежей выпечкой, но не беглянкой.

– А ты не дурак, – хохотнула Марта. – Полевых цариц почти за пазухой носить!

– Чтоб тебя Полоз побрал! – совершенно не по-девичьи выругалась она на Тэми – та клацнула челюстью в сантиметре от изумрудного платья, но поймать-таки не успела.

– Не девка, а самый настоящий чёрт! – чертыхнулся змеевидный комок, показавшийся на мгновение из-под ветвистой берёзы. – Ух я б её!

А пляска всё продолжалась. Тэми скалилась, а её соперница звенела колокольчиками то у домов деревенских, то у логова Лешего, то возле детишек местного батюшки, особое внимание уделяя последним. Так и пролетел ясный день.

На закате по всему полю запустили цветасто-янтарное колесо, означавшее начало трудных работ. Как прокатилось оно с шумом-гомоном, так и зажглись огни повсеместно, и вступил в полную силу праздник с песнями-плясками. Даже лисице досталось – с лукавой усмешкой щеголяла среди пышущих красками платьев с колоском у правого уха и подкрадывалась к подвыпившим мужикам в образе юной красавицы, которая словно спустилась с небес, освещая медью дорогу. Но стоило лишь протянуть руку навстречу желанной страсти, как красна девица тут же покрывалась туманом, а за спиной раздавался дикий хохот. Пока отупевшие от вожделения крестьяне протирали глаза, Тэми по другую сторону деревни каталась в истерическом припадке и делилась своими похождениями с подругой-ведьмой.

– А этот куда повадился? – вскрикнула Марта, заметив, как Леший в виде статного юноши увивается за поющим хороводом. – То есть как в лесу порядок навести, так силушек у него нет, а как за девками таскаться!..

Полоз понимающе кивал, сверкая мёртвыми глазами, ко-

торые нет-нет, да и переливались мёдом. Тэми хотела было схватить змеёныша и протащить его через всё село в зубах, но вовремя остепенилась – отравится же! Хотя и не по душе он ей был – уж слишком скользок и противен.

– А ты чего ни с кем не играешь, а? – царевна вынырнула из-под ковыля и подхватила Полоза под белые руки, поближе к кострам, перепрыгивая через пламя босыми ногами.

Марта пила, плясала и снова пила. С кем – и сама уже не знала толком, главное, что внутри кипело тепло, отнюдь не похожее на райское, напротив – как вулканическая лава. До того яркое, что и поётся, и пляшется, и хохочется, порой – одновременно.

*перевёртыши – так презрительно называют человекоподобных существ, которые способны обращаться в животных.

2.

Едва первые лучи озарили лесные кроны, нечисть растворилась-разлетелась-расползлась (кто как уж) и принялась за повседневные дела. Только хмельной Леший остался, чтоб пожевать горячего воздушного хлеба да поглядеть, как купается в речке молодёжь. И стащить сарафан, да не простой, а с кружевной обережной вышивкой!

– Тьфу ты! – Марта сплюнула и тут же ухватила старика за бороду. – В лесу дел невпроворот! Ты что, за ночь не нагулялся, что ли, башка твоя плешивая?! Ни стыда, ни совести!

– Вот ведьма! – Леший выпустил скупую слезу и посеял к опушке следом за Кёльбергом, его сестрой и лисицей. Полоз проводил товарища сочувствующим взглядом и продолжил нежиться на нагретом сеновале.

Так начался сезон Лугнасада. По-своему тяжёлый как для нечисти, так и для простых смертных.

VII. Сон в зимнюю ночь

Январская выюга среди укрытых метровыми сугробами домиков – это вам не городской ветер, сбивающий с ног. Стоит только высунуться за пределы порога – и всё: покрываешься инеем, растворяешься в стихии и идёшь со стеклянным взглядом на лисий зов. А она – рыжая, с хитринкой в глазах – ждёт тебя в глубине снегов, подвывая ветру, а в глазах переливается дивный мёд.

Вместе с дикой жаждой напиться человеческого огнива.

Но ты ведь умный, не так ли? Перевернёшься на другой бок, укутаешься посильнее в несколько одеял и заснёшь слаще прежнего, пока хозяйка дома подкидывает дров в печь и следит, чтоб тепло растекалось по стенам.

Больше жара.

А в горле замер привкус домашнего вина, ягодного и отдающего мягким светом в венах.

Она приходит даже во сне. Воеет неистово, сверкает клыками и зовёт тебя нежно-нежно: «Попляши со мной! Попляши!»

Надо было лишь протянуть синеющие пальцы вперёд, к безумному вихрю снежинок, как чьё-то прикосновение к ладони заставило очнуться и уставиться в потолок.

...Домовой погладил ласково по запястью и растворился в углу комнаты. За окном не на шутку разыгралась зима, на залежах белоснежного снега, совсем рядышком с рамой, светились следы.

– Воды из колодца не набрать, – хозяйка уселась в кресло. – Завтра днём натаскаем вёдер.

И застыла, улетев в объятия Морфея. Со спицами и клубками разноцветных ниток у подола. Не мешал даже скрип ставен, грозный и говорящий о том, что пляска нечисти в самом разгаре и что в окрестностях околачивается оборотень.

Только не отведать ему ни крови, ни хозяйкиных напитков. Слишком хорошо стережёт заряженное ружьё. Впрочем, до него зверь не добежит – не пересечь ему, каким бы лютым ни был, обережного плетения у входных дверей. Рухнет замертво и растает поутру.

А ночь – ночь переживётся. С деревенским уютом и запахом засушенных трав.

VIII. Морозная Матерь

1.

– Я боялся зимы – и вот она здесь, у моего порога, голодная, неистовая и жаждущая чужого трепета и поклонения. Была ли хоть одна ночь, проведённая среди завывающей метели, спокойной? Было ли хоть одно утро, когда я просыпался и не слышал её скрежета по увитым узорами стёклам? Но даже сейчас мне не хватает смелости взглянуть в эти опустевшие глаза, способные заморозить само солнце. Приди леденящая в Цветочный город, опоясанный светящейся зеленью и дышащий цветами, названия которых тебе ничего не скажут, – и он бы рассыпался снежинками в морозных ладонях.

Марта плотнее куталась в багрово-чёрный платок и старалась изо всех сил не слушать, как снаружи тянет свою песнь ушедшая на охоту лисица, как рычат и грызутся волки, оставляя за собой кровавые пятна и спутанные следы.

Добрый пальцами хватался за охапки дивных трав – одно из редких напоминаний о родине и принюхивался.

Мало. Слишком мало. Даже тонкий аромат родного не мог приглушить грызущий за плечи холод, и дело вовсе не в разогретой печи.

– Кёльберг тоже там.

Сколько ни смотри в окно – не разглядишь горных огней, за которыми пряталось вечное лето со сверчками, клумбами размером с деревья и лёгкой-лёгкой музыкой. Другой конец света, считай.

А они находились среди дымящихся растений, вычерченных рун, камней, залежей книг с оборванными страницами и отдельных листов, чернил, перьев. Жались к кружкам чая и думали. Каждый – о своём.

– Сказал бы мне кто, эльф, что я приду в гости к вашему брату, – ироничный смешок и косой взгляд на пожелтевший потёртый рисунок, где счастливо улыбалась Тэми.

– «Пред ликом костяной и холодной все сущности в одно слиты», – отрывок, откуда – Добрый и сам не помнил. – Будь ты хоть эльфом, хоть перевёртышем, хоть чародейкой – одной лишь дикой нечисти не сидится в лихие месяцы.

И то верно.

Надо отправляться домой, пока не зажглись звёзды и не запели ветра, протяжно, как любят.

Марта поблагодарила эльфа за гостеприимство и взяла едва высохший плащ, чтобы раствориться среди голых деревьев.

Снежное сияние для Доброго – почти отчаяние. Печь разгоралась сильнее, и изба постепенно убаюкивалась, погружаясь в дрему. Конечно, однажды гремющая костями отступит и растечётся с весенне-весёлым журчанием.

Но до этого ещё нужно дожить.

2.

Зимние феи звенели тихо-тихо в промёрзшем воздухе, и смех их оборачивался невидимыми льдинками, которые спиралью неслись к сугробам.

– Ты ведь никогда не плясал с Матушкой Зимой? – Тэми насмешливо глядела на человеческого детёныша, оставленного охотниками в глубинах морозной гробницы – иначе лес в такую пору не назовёшь.

Детёныш плакал и отказывался верить, что его бросили свои же, отмахивался синими пальцами от порхающих фей – а те то и дело норовили схватить за щёки или залезть в рукава и разрастись изнутри холодом.

Обычно лисицы не помогают людям, но Тэми было жаль идиота.

«Зря, – говорил рассудок, – сегодня ты протащишь его сквозь ледяной ад, а завтра он с собачьей сворой будет целиться в твою глотку, попадёт – будет шкура красоваться на досках».

Впрочем, плевать.

3.

– Скажите-ка, – Марта обвела взглядом присутствующих, – когда это мой дом превратился в приют для сирых и убогих, а?

Тэми, прикрыв глаза, зарылась в гнёздышко, украшенное к Йолю ветками ели, букетами из сушёных апельсинов и мелкими ягодами рябины. В логове витали запахи разнородных трав да настоек, такие, что лисий нос дико щипало, и хотелось как можно быстрее выбежать прочь.

– Я не убогий! – отозвался мальчишка.

– Я не беспомощна! – раскрыла клюв ворона Тампт, попытавшись было взлететь и совершенно позабыв о сломанном крыле.

Ведьма возилась у печи, человеческий ребёнок сидел с вытаращенными глазами, птица клевала зёрна (скорее от скуки, чем от голода). Как только сон начал ласково проводить по шерсти, Тэми выгнулась, зевнула и выпрыгнула во двор, к пушистому и щекочущему снегу.

Позволь себе уснуть в тёплом уголке – и пропустишь всю пляску Матушки Зимы, бег, несущий сквозь потоки метели и заставляющий в порыве восторга открывать пасть и выть. В такт Ей. И пусть они, неспособные познать Её, дрожат за деревянными стенами и сильнее, чем когда-либо, хватаются за огонь и постель. Пусть!

В зрачках играла жажда, лапы шуршали сами, уши сквозь песню ветра улавливали смешинки крылатых существ. Тэми казалось, что Матушка Зима сама несёт к неизвестности, что она, лисица, очнётся среди звёздного неба и льдов, которые лежат на земле испокон веков и не знают вёсен.

Так сливаются с морозной стихией и перерождаются, меняют пламенный окрас на белоснежный, а клыки – на более острые. Так Матушка сближает одних, заставляя объединяться против колющей бури, и разлучает других, уводя за собой.

IX. Возвращение

Весенний ветер приятно щекотал перья, несясь вдоль зеленеющих крон, играл с ним, как с ребёнком, хохотал заливисто и звонко. Кёльберг раскрыл клюв – воронье карканье раздалось в унисон с шелестом. За поющими ветвями всё отчетливей проступала струйка дыма, совсем тонкая и едва заметная.

Ворон знал: там его ждут. Ещё немного – и он приземлится аккуратно посреди двора, завоет по-человечески от боли, разомнёт кости, а затем обнимет сестру.

– Попался! – Тэми подпрыгнула на задние лапы, клацнув зубами совсем рядом. Лисица за зиму стала вдвое больше и длиннее, почти как взрослая. Глядишь – обернётся однажды человеком и постучится к кому-нибудь в дом.

Кёльберг кружил по двору, стараясь держаться от неё подальше, а та, наострив уши, внимательно следила – только и ждала момента, чтобы схватить.

– Тэмира! – Марта вылетела напрямиком в фартуке. – Ну что ты творишь, бестия?!

Лисица виновато опустила голову и замерла, позволив ворону принять человеческое обличье. Кёльберг рухнул на землю юношей. Ни крика, ни стона – совершенно ничего. Застыл, подобному мёртвому. Но стоило лисице начать обнюхивать тело, как перевёртыш резко дёрнул подругу за хвост.

Ведьмин двор резко превратился в побоище: шипяще-вопящий ком из человека и лисицы едва не врезался в ворота, а после понёсся в другую сторону.

– Трудный возраст, – вздохнула у окна Тампт. – Тяжело тебе с ними, наверное.

– Тьфу! – ведьма захлопнула дверь и скрылась за кипой книг, из которых торчали травы, обрезки лент, перья и что только не. На распахнутых страницах блестели чернила, перемешиваясь с камнями и осколками. Тампт пережёвывала травы и любовалась резной шкатулкой – оттуда заговорищишки подмигивала серебристая подвеска. Украсть бы её, да только колдовское добро добром не пахнет.

Марта что-то писала на подгоревшем листке: то ли очередное заклятье, то ли кухонный рецепт. Впрочем, иногда это одно и то же.

А за окном под неистовые крики Кёльберга и шипенье Тэми просыпались древние после долгой и изнуряющей зимы. В этот раз Морозная Матушка забрала не одну жизнь, пролив много крови – и нечистой, и человеческой.

Пошёл трещинами лёд на реке, среди огромного ковра сухой листвы то и дело сверкали зелёные новые ростки, да и брат, в конце концов, вернулся!

– Отнесёшь? – ворона тут же подхватила клювом сложенную записку и выпорхнула в окно.

«С пробуждением, эльф! Тэмира больше не держит на тебя зла. Заходи на чай, если хочешь».

Добрый усмехнулся улетающей птице и прикрыл окно шторами: пусть чародейка-весна проходит мимо порога, а у него впереди – долгий-долгий сон под звучание флейты, вырезанной когда-то одним из лучших мастеров Каменного города.

Х. Рассветное

1.

Весна барабанила по листьям проливным дождём, заставляя охотников прятаться в глубины хижин. Какое зверьё высунет нос из норы, когда тропы растеклись болотом, глаза то и дело ослепляет молния, а за ней ударяет гром?.. Больно и мерзко.

– Ну погоди у меня! Ещё попляшешь! – раздетый мужичок выбежал во двор и тут же рухнул в лужу, переполошив всех кур. Смольная девица успела выхватить одну и с хохотом растворилась в туманно-дождевой завесе. Не самая крупная добыча, но всяко лучше, чем грызть ягоды перевёртыша. Оно, конечно, и сочно, и вкусно, но лисий желудок требовал мяса, и не абы какого, а ворованного.

2.

А в доме было всё по-прежнему, только огня в камине стало меньше. Морозная ушла гулять в другие края, солнце время от времени пробивалось сквозь ветки, да и то – с большим трудом. Кёльберг жадно вдыхал запах дождя, Тампт вычищала перья клювом и вздрагивала всякий раз, когда лес сотрясало вспышкой. Марта вязала что-то в углу.

Тэми проскочила сквозь порог и рухнула у печи. Вымокшая, грязная, но с довольной мордой и куском курятины в зубах.

– Твою ж мать! – ворон окинул взглядом комнату в поисках кочерги. Жутко хотелось замахнуться на лисицу воспитания ради: только-только навёл в доме порядок, вычистил тряпкой пол и убрал огромные клубы рыжей шерсти – и пожалуйста! Нет бы лапы протереть у крыльца!

– Чувствую, по деревне уже слухи поползли про одну красну девицу, – усмехнулась Марта. – Точнее, чёрную.

Тэми только фыркнула в ответ, на миг вырвавшись из приятной дрёмы. Что может быть лучше удачной охоты? Даже пляски с Матушкой Зимой не приносили столько радости и – особенно – тепла. Печка пылала жаром, и пусть хоть тысячи молний бьются в расплывчатом небе! Пока есть огонь – плевать! Так и уснула, предвкушая, как завтра проберется в охотничий амбар и украдёт чего подобрей...

XI. Лис и лисица

Тэми смотрела так, словно он упал с луны, описал в воздухе пируэт и грациозно приземлился на все четыре лапы. Молодой лис хотел было поначалу затащить соперницу в капкан и улизнуть из курятника в гордом одиночестве, но, видя жуткое (и забавное!) замешательство, вильнул хвостом и поманил Тэми за собой. От греха подальше, пока на шум не сбежались деревенские.

...Неслись они оттуда вместе на всех порах. Вдали уже слышался людской вопль, но что им-то, когда всего пара прыжков – и вот он, колдовской лес, где ни одна человеческая тварь не пройдёт.

– И откуда ты такой взялся?! – Тэми точно знала, что здесь рыжие не водятся. Перевёртыши, эльфы, гномы и говорящие коты иногда попадают, но не лисы!

А тот улыбался хитро-хитро и зыркал глазами.

– Звёзды принесли.

– Ох и красиво врёшь!

Так и сцепились: в два хвоста разоряли деревни и дразнили охотников. Самые смелые из них даже к Марте ходили, мол, помогите, госпожа ведьма, от нечисти спасу совсем нет, а она улыбочиво кивала, тонко намекая лисьему семейству, что пора бы сбавить обороты. Кёльберг и Тампт с переменным карканьем дразнили хвостатых, то приземляясь, то взлетая к кронам.

Жизнь вскипела, как только весенний ветер прогнал дождевую завесу. Марта вычищала метлой остатки трав, а в голове уже дымился большой котёл, символизирующий начало ведьминского слёта, и летели крики во славу грядущего месяца. Правду говорят, что лето вскруживает и людей, и лесных, да ещё как!

XII. Полёт

За окном птицы допевали последние песни. Кёльберг плотно закрыл банку с земляничным вареньем (кажется, это была последняя), оставил пару закладок в колдовской книге для сестры и топнул ногой по полу, прощаясь с человеческим обликом.

Из ведьминой избы вылетел ворон, карканьем предвещая начало осени. Он кричал – и ему отзывался многоголосый клёкот. Им, крылатым, предстоял тяжёлый путь за пределы леса. И возвращались по весне далеко не все – кто-то не долетал до южных краёв, кто-то падал без сил по пути домой. Кёльберг знал: главное – улететь до первых заморозков, чтоб дорога была лёгкой и короткой.

А внизу – журчащие реки и кроны, где-то пока зелёные, где-то уже пожелтевшие. К вечеру он постучится клювом в окно к старому лесничьему, который обитает у самой опушки, а послезавтра заночует у горных хребтов – древних и могучих хранителей эльфийских земель.

Знал Кёльберг и то, что не простит его Марта: улететь пораньше и не сказать ни слова! Долго будет злиться сестра, да

за зиму остынет: откроет варенье в разгар лютых морозов, выпьет горячего чаю и успокоится окончательно.

А ему – в тысячелетний Каменный город, где годами пируют те, кто заносчивей людей, и в чём-то эльфы их даже хуже. Но – огни цветов, головокружительные запахи и лучшие настойки – прекрасная зимовка, ничего не скажешь!

Тэми смачно грызла воронье перо, пока Марта бушевала, носясь из одного угла дома в другой наперевес с кочергой и грозилась, что лично выдернет ворону крылья, едва только вернётся.

– Нет, ну ты представляешь! По эльфийкам мы, видите ли, соскучились! Тьфу!

Лисица облизнулась, представляя, насколько красиво смотрелся бы Кёльберг в окружении подлив. Да, ворон она не любила есть – уж лучше курятину у деревенских утащить, но перевёртыша схрумала бы с большим аппетитом.

– Эй! – остановилась Марта. – Он мне живым нужен, если что.

Тэми разочарованно вздохнула, но не перестала мечтать – уж слишком насолил ей Кёльберг за это лето. Игралась себе спокойно, дразня деревенского старосту в девичьем обличье, – а этот похабник как подкрался сзади и оборвал подол юбки! А чего стоили волчьи ягоды вместо черники в чае, хорошо хоть учуяла носом! Ну ничего, за зиму у неё будет время подумать о мести, настоящей, лисьей, изощрённой!

ХІІІ. Грибы и Леший

1.

– Тэмира, запри дверь на замок хорошенько!

Коричневое платье слишком сжимало. Как в таком можно бежать по лесу – непонятно. Особенно когда на тебе башмаки размером больше (других у Марты попросту не было). Благо, хоть солнце не жарит – светит едва-едва сквозь пепельную сырость.

– Закрыла! – Тэми подобрала свою корзинку и развернулась к ведьме – та уже отошла к тропинке и почти скрылась за завесой тумана. В лисьем обличье она бы сразу узнала Марту, а тут... Смотреть человеческими глазами тоже было непривычно. И двигаться на двух ногах, а ещё – чувствовать кожей холод! Хотелось по привычке встать на четвереньки и побежать изо всех сил.

– Твой выбор, – усмехнулась Марта. Как только заговорили о грибах и осенних ягодах – лисица тут же вызвалась помочь. Ну и «выгулять» заодно человеческое тело, хотя знала – будет, мягко говоря, не по себе.

2.

Ведьма по лесу не шла – летела так, будто у неё были собственные крылья. Как у Кёльберга, только больше в разы. Тэми едва успевала: башмаки то и дело соскальзывали, воздуха не хватало, а внутри нарастала обида. Обернись она лисой – уже ускакала бы далеко вперёд, навстречу осенней сырости и холодному ветру. И сквозь туман бы чувствовала нежизнь и жизнь, а не пугалась внезапного карканья или появившейся невесть откуда сороки.

– Если хочется обратно – можешь, – Марта откровенно наслаждалась мучениями лисицы. А ведь говорила ей ведьма, что в мрачном лесу девице делать нечего – от лисьих ушей и то больше пользы будет!

– Не хочется! Мне удобно! – фыркнула Тэми и вдруг поймала себя на мысли, что верх платья не так уж сильно давит, а она сама идёт ровным шагом, не боясь упасть в месиво из грязи и сухих листьев.

Навстречу им вылетела Тампт. Поздоровалась с Мартой и хотела было что-то спросить, но при виде Тэми вытаращила глаза. От девицы несло лисятиной за несколько троп, хотя – человек человеком.

– Ученица? – ворона ткнулась клювом в плечо и тут же

отскочила, как бы пробуя незнакомку «на вкус». Ударит или начнёт браниться – точно людская девка.

– Тьфу на тебя трижды, Тампт! – Тэми хотела было прыгнуть за птицей и схватить лапами, но сдержалась. – Свихнулась, что ли?

– Тэмира же, – объяснила Марта.

– Ну и дела! – ворона вновь посмотрела на новоявленную девицу и поспешила убраться от греха подальше. То ли ведьма с ума сошла, то ли шутит, то ли ей самой нужно отдохнуть, а заодно и подкрепиться чем покрепче.

А они – Тэми и Марта – тем временем вышли из залитой туманом долины к багрово-янтарному лесу. Казалось, что и солнце здесь светит ярче, помогая им поднимать хрустящий ковёр и наполнять корзинки. Гонялись они за грибами, толкая друг дружку юбками, обсыпая листвой с головы до ног, а иногда просто валялись.

Не обошлось и без Лешего. Стоило Марте отойти на цветочную поляну, как старый похабник тут-как-тут, объявился и начал зазывать Тэми, мол, иди ко мне, красна девица, обогрею, одарю.

– Ты на свою плешь посмотри сперва! – хохотнула та. – А вообще, шёл бы ты отсюда подобру-поздорову, а то как окликну ведьму, чтоб кочергой тебя проучила!

– Злющая ты, – обиженно отозвался Леший. – Под стать этой противной бабе!

И исчез. Учужал, видимо, что Марта возвращается. Леший её боялся, ибо заставляла она несчастного старика дикие вещи творить: мусор всякий убирать, за животными присматривать, пруд с Водяным и его русалками десятой дорогой обходить, от девок лесных глаз воротить... А как застанет не за работой – так сразу кочергой по спине! Одним словом – ведьма!

3.

– Ты в следующий раз согласишься, авось больше грибов достанется.

– Да ну его к собакам деревенским!

Теперь уже Марта шла позади – Тэми не терпелось вернуться домой, разобрать корзины, доверху заполненные запасами, а затем снова перевоплотиться, отоспаться, зарывшись в родной хвост, и кааак погнаться на всех четырёх за

стариком, чтоб показать ему «красну девицу»! Ковровый лес уже остался за спиной, а здесь – сырой туман, где что-то копошилось, шипело, кричало, иногда – вылетало вперёд (видимо, вороны опять вина напились и поголовно начали сходиться с ума).

– Слушай, – вдруг осенило Тэми, – это часом не твои духи дом стерегут?

– Скажешь тоже! – покачала головой Марта. – Просто осень разрастается.

– То ли жуткая, то ли винная... Хотя нет: я бы назвала её скорее игривой! – всплеснуть бы в ладоши, да только руки заняты.

А дома – дела. Печь поскорей затопить, чтобы прогрелись стены, обереги в порядок привести, про грибы-ягоды не забыть, чаю тёплого заварить, еды приготовить. А потом уснуть под волчьи завывания. Крепко-крепко, прижавшись к мягкому пледу родным рыже-белым мехом.

XIV. Листопад

1.

Лихое время – листопад: вся нечисть упивается пиром да ищет новой добычи, подстерегая честного человека за углом. Торговец потянулся проверить, на месте ли кошель, но застыл, увидев два сияющих глаза в кустах. Секунда, две – и ездовая лошадь понеслась по тропинке под жуткое «Ноо, пошлаа!» Зря он не задержался в городе подольше, ой зря. Пересидел бы лихую годину в тёплом доме. Так нет ведь, потянула нечистая рука в чашу!

Лисица проводила лошадь насмешливым взглядом и понеслась в другую сторону, прыжок по мягким листьям, второй – и вот горячие огни. Костры взвивались ровными рядами, а между ними плясали ведьмы в окружении воронья. На крайнем холме завывала стая волков. Лисица не удержалась, выпустила довольный визг и понеслась в пляску, наворачивая круги меж цветастых юбок.

Открывалась грань миров. Казалось, что тоненькая, как лунный шлейф, оболочка вот-вот разорвётся, и хлынут к ним непрощенные гости со всех сторон. Но нет: кордон слабел, но держался, хотя некоторые и стремились прорваться.

А тут их приветствовали, а заодно заклинали или не бесчинствовать особо, или убираться на родину, ибо эта земля занята и объята колдовским пламенем, обложена обережными щитами, чтоб злое даже ступить не могло.

Торговец тем временем допивал эль в задымлённом трактире. Свезло ж добраться целым! Правда, хозяин поначалу не очень хотел впускать одинокого путника, пока тот не осенил себя крестным знаменем и не пообещал хорошо приплатить за место для себя и лошади.

– Дурное время, тьфу! – в сердцах спюнул трактирщик. – Мало ли какая дрянь прикинется то старухой, то молодой девкой, то добрым человеком, лишь бы только за порог попасть. Ибо в освящённую землю ей самой ходу нет! Думаете, просто так трактир у самого края леса стоит? А шиш!

Люд смеялся, фыркал, обсуждал последние новости. Один чудаковитый вообще заявил, что решил тёмное время в трактире пересидеть, потому как с женой поругался, и та его отправила в хлев ночевать. Сырой, холодный и совершенно без выпивки!

– Куда же это годится, чтоб доброго человека – и в хлев? – возмущался он.

– А не узнала ли твоя, что ты к соседке на днях за пудом соли бегал? – насмешливо спросил его товарищ.

Собеседник лишь угрюмо уткнулся в выпивку. Мало ли какая зараза его, бедолагу, попутала, так что ж теперь, за это из дома родного кочергой гнать? Э нет, не на того напала!

– А слышали ли, что снова война грядёт? Говорят, что всяких в солдат стали набирать, – сказал было кто-то и осёкся.

– Хворь тебе на язык! – шикнул торговец. Не стал он упоминать, что сам чуть не угодил в руки здоровенных молодцев в доспехах, которые искали парней покрепче, поувесистей, а иной раз вообще не колебались и хватали первого встречного, уводя в казармы.

Но страшные мысли пропали после нового глотка, да и трактирщик не скупился, подливая каждому ещё за вырученные монеты.

– Гойя-хейя, гойя-хейя, – ударил по струнам местный местрель. – Пляши и пей, тоску свою вином убей, пусть льётся ночью без конца и гонит нечисть от крыльца!

И зашагала ночь быстрее, раскурились трубки, полилось ещё больше добротной выпивки и монет (не каждый день

гуляем!). Каждый то и дело норовил показать, что не боится злой силы, даже если она уже просочилась сквозь дверь и готовит подлянку.

А в дверь и впрямь постучали. Воцарилась тишина, только пара человек храбрости ради отпили ещё из кружек.

– Впустите, дяденька, холодно как! – умолял девичий голосок. Трактирщик усмехнулся: объявилась-таки, родная! Сколько он ей куриц за год перетаскал к лесу, лишь бы только человеческую землю стороной обходила, а эта зараза – что с нее взять? – не удержалась.

– Вон пошла, дрянь! – фыркнул он. – Где это видано, чтоб молодые девки ночью сами шлялись?!

По ту сторону зашипело злобно-злобно, а затем раздался протяжный вой. Обиженная и обозлённая, Тэми возвращалась домой ни с чем. Ну ничего! За это жадный хозяин заплатит ей вдвойне! Иначе не стоять его трактиру, будь он хоть трижды освящён.

2.

Холодный ветер поутру пролетел сквозь туманную дымку и загасил догорающий у избы фонарь. Марта и Тэми устави-

лись на морозный иней у крыльца, сквозь который едва-едва пробивалась пёстрые, обледеневшие листья. Морозный воздух давил изнутри. Багрово-ягодная госпожа с венками и обилием вин уже удалилась – лишь где-то вдалеке раздавался звон её свиты. А на смену ей уже летела королева в ледяном одеянии. Одно дыханье этой женщины покрывало снежными хлопьями весь лес!

– Спать пора, – зевнула Марта. – Отгулялись вчера, проводили осень, а теперь вот – встречай холодную!

– Лишь бы не костяную, – фыркнула лисица.

Обе хорошенько проверили, крепко ли держит засов, и разбрелись по дому. Тэми завалилась набок в своём уголке, вдохнула запах черники и засопела. А Марта заваривала чай с надеждой, что в этот раз зима унесёт меньше душ.

XV. Снег и кровь

1.

За стёклами бушевала выюга, не на шутку пугая обитателей леса. Из ведьмино дома валил дым – пламя печи пожирало брёвна, давая жар. Марта после долгой уборки накачала домовому следить за огнём, не пускать в дом чужаков и отваживать лисицу подальше от мяса.

Завернувшись в три пледа, колдунья заснула под песнь Морозной Матери. Йольская ночь закинула её в старые, давно запечатанные воспоминания.

2.

Кёльберга бросало то в жар, то в холод, перед глазами плавало что-то невнятно-цветастое, а за плечи то и дело хватала Смерть. Она приходила после Самайна и впивалась в кожу холодом.

Марта суежилась вокруг, перерывая свои книги в поисках нужного зелья. Только что могло спасти от проклятья? Ладно, если б девица какая поворожила, а тут – родная кровь, да ещё со всей своей инквизиторской дури, как она ему только плешь окончательно не проела!

«... И да не переживёт мой греховный сын ни одной зимы. Пусть коснётся его жил холод и обратит в лёд. Не будет в роду моём перевёртышей и прочей нечисти!»

Отцовские слова будто въедались в тонкую кожу, разжигая изнутри, чтобы тут же обдать морозом. Да, Великий Инквизитор – семья, чтоб её! – колдовал не хуже ведьмы со стажем. Только знал ли он, что «молитвой» натравил на слабоющего сына Морозных Духов? Скорее всего, охотник за ересью бы назвал это небесной карой, а не проклятьем, ведь у тех ничего общего с Богом не было.

– Нельзя ему с Зимой встречаться, – Марта разожгла печь погорячее и крикнула: – Обращайся скорее, слышишь?!

Как только ветра утихомирились, отпоенный снадобьями ворон вылетел из избы и устремился прочь, подальше, к югу, преодолевая боль. Останавливаться нельзя – в спину дула ледяная Смерть.

«... И не коснётся крыльев моего брата холод. Пусть ищет его отцовское проклятье вереницу зим, но не найдёт. Ибо власть Зимы бессильна там, где царит тепло».

Не нашла Марта другого способа. Когда на охоту родная

кровь выходит, остаётся, разве что, на другую часть земли бежать. А ещё лучше – в Цветочный город, окольцованный эльфийской защитой со всех сторон.

3.

Ведьма вздрогнула, приоткрыв глаза. На минуту ей показалось, словно кто-то постучался клювом в окно.

Но нет – Кёльберг был далеко, домовый наблюдал за печью, а Тэми спала в своём уголке, посреди еловых веток и шишек. Лисице тоже было беспокойно – слишком сильно схватил за хвост давний кошмар...

XVI. О лисице и эльфе

1.

Вокруг дома витали цветочные запахи, и немудрено – не зря Добрый выхаживал растения, хотя большая часть не приживалась. Как ни крути, а дикий лес – не Цветочный город, вечно зелёный, наполненный фонарями, музыкой и смехом чарующих эльфиек...

Но изгнаннику дороги назад не было. Да, выжигало изнутри осознание так, что хотелось быть вместе с волками, а зимой, в бушующем аду, казалось, будто Смерть вот-вот схватит за плечи.

Добрый старался не унывать – сидел у порога, следил за котлом, добавлял специй, подливал вина, а когда становилось совсем тяжко, закрывал ставни и прятался у разогретой печи.

А по столу рассыпались лепестки неведомых соцветий, минуя колбы трав, за которые, пожалуй, даже Марта душу не постыдилась бы продать. Но это – уцелевший осколок сердца, остатки Цветочного.

– Интересно, – а вот Кёльберга ситуация явно забавляла, –

за что тебя выперли свои же?

Эльф не собирался делиться с перевёртышем старой историей. Да, чёртов ворон умудрился проложить себе дорогу в овейный солнцем город, завести друзей среди его жителей и коротать там зиму за зимой.

– Тебя это не касается.

Кёльберг усмехнулся и с аппетитом впился зубами в красное яблоко. По губам потёк кисло-сладкий сок.

– Можешь не отвечать, – фыркнул сквозь хруст перевёртыш.

Ворон и без того знаю историю, почти легенду об эльфе, который попытался было осквернить дочь высокородной то ли графини, то ли герцогини, и почти осквернил, паршивец эдакий, вот только негодяя нашли вместе с девицей. Церемониться с ним не стали – сослали куда подальше и забыли.

– Может, хоть пару строк родне напишешь, а? – заговорил всерьёз ворон. – Мне передать не так уж и сложно.

Добрый сделал вид, что не услышал, и Кёльберг продолжил жевать яблоко. Станный народец всё же!

2.

Тэми вилась вокруг котла с горячим варевом и поглядывала глазами на дверь. Лисица чувствовала дивные запахи и уют, но не смела прокрадываться в дом без спроса.

С Добрым они зимовали в третий раз, желая друг другу озорной весны, яркого лета и пряной осени. Эльф не отталкивал, но и близко не подпускал, а в иной раз мог вообще пропасть на неделю.

Тэми ждала и надеялась, отвлекаясь на поиски нового логова, ибо старое умудрилась потревожить охотничья свора.

И – набрела на избу. Та удивительно напоминала знакомое логово, только запахи более грубые и... родные, что ли?

– Опять нажрался, скотина?! – а по двору вместо изящного эльфа носилась растрёпанная ведьма. – Канун Йоля, а ты уже синий, как водяной чёрт! Кто, скажи мне на милость, за порядком в лесу смотреть будет?!

– Ооооой, – выл убегающий ком снега. – Так ведь праздник же!.

– Ах праздник! Я тебе такой праздник покажу, башка твоя плешивая!

Лисица пригляделась и узнала Лешего. Судя по крикам, то была Марта, лесная ведьма, общеизвестная целительница. Ох не раз жаловался старик на неё каждому проходящему! Обзывал змеюкой, эксплуататоршей и прятался от греха подальше с украденной котомкой.

Только на деле Марта оказалась не столь ужасной. Прогнала Лешего, а лисицу пригласила в избу.

– Всю зиму одна маюсь, устала, а тут ещё этот пакости творит, тьфу! – жаловалась ведьма. – Не, ты, если пожелаешь, оставайся, всё равно скука грызёт. Но этого в шею гони, если рядом с погребом или сараем увидишь!

И она осталась, даже угол себе обустроила, только эльф из лисьей головы упорно не хотел выходить.

3.

Ветер улёгся, создав пушистые кучи сугробов. Добрый сидел у порога в чёрных ботфортах и с наслаждением вдыхал запах глинтвейна. Напиток дымился и манил.

Из—за угла показалась знакомая лисья морда. Но Тэми не набрасывалась на него, требуя отдать стакан, не пыталась засунуть не в меру любопытный нос в котёл. Лисица просто сидела и смотрела. Добрый догадывался, что за слова вертелась у неё на языке.

— Не приходи больше сюда, — эльф встал. — Никогда. Иначе получишь арбалетной стрелой по шее.

Добрый скрылся за порогом. Тэми с досады и злости хотела перекинуть котёл кверху дном, но чуть не обожгла лапы и унеслась. Подальше, к Зиме, к чертям собачьим, да хоть к тому же Лешему!

Внутри разгоралась ненависть, требуя вернуться и сотворить из эльфийского дома хаос, а хозяина разорвать когтями. Но она уляжется. Когда всё-всё забудется, и Тэми поймает себя на мысли, что не помнит даже имени.

...Не знала лисица, что эльфы любят всего один раз, после — выгорают и уходят с головой в искусство или помещиваются на чём-то другом. Лисицы — как ляжет карта.

4.

В лесу едва светлело. Тэми, поджав хвост, глядела сквозь

мрак и видела образы. Мутные, странные и до жути знакомые. Как будто Йольский кот прокрался в сон.

Но слишком многое случилось, чтобы оно казалось большим. Даже жажда мести выветрилась с ушедшим летом.

– Тоже кошмар? – Марта забрасывала травы в земляничный чай.

– Да какое там, – фыркнула лисица. – Так, ностальгическое. Поделишься?

– Без сахара?

Тэми кивнула. Ведьма набросала трав в блюдо и залила горячей водой. Казалось бы – когда успела, ведь мрак только-только начал уходить! Хотя... чародейка же!

Они пили ягодный чай и слушали, как за окном шуршит снег. Йоль продолжался, навевая желание погрызть еловых веток, а днём зарыться мордой в сугроб. И будь что будет!

XVII. Остара

Костры соединились в один, образовав круг, и вспыхнули, как только пальцы ударили по барабанам. Ритмичный стук сплёлся с пламенем. Зазвенели бубенцы, мелькнули багрово-чёрные юбки – жрицы пустились в танец.

Марта замерла, вжав ладони в землю, как и другие ведьмы. В круге Огня кипела жизнь, в круге Земли она только зарождалась. Барабаны вибрировали, передавая энергию воздуху и почве. Жрицы извивались над языками пламени, звенели и выкрикивали проклятья в сторону Зимы. Ритм ускорился, передавая всё больше и больше энергии.

И грянул взрыв! Пламя вспыхнуло в последний раз, явив взору Энергию. В почве начала зарождаться Жизнь под лёгкое постукивание пальцев по мембранам. Жрицы свились в круг и тоже припали к земле. Казалось, что лежащие на ней ветки вот-вот раскалятся. Кто-то завыл, уставившись в звёздное небо, полное ярости – Морозные Духи с шипением покидали лес, грозя суровыми холодами и лютой бурей.

Сердце Марты распирала Любовь ко всему сущему. По венам текла Жизнь. Почва просыпалась под дикий ритм от

долгого сна и обещала возродить зелёный покров.

Кто-то лежал довольный, упиваясь переливами Энергии внутри, кто-то продолжал танцевать, радуя звоном витающих духов. Марта села на землю и замерла. Внутренняя гармония пульсировала и стремилась покрыть собой лес.

Дикая пляска закончилась, музыка продолжалась. Плавный, замедленный стук, передающий Жизнь по капле и тонким, и могучим корням.

Из музыки, танцев и слов зародился Свет. Вот он, истинный ритуал, когда ты отдаёшь себя, свою сущность полуведомому и получаешь отклик.

Барабаны вибрировали до рассвета, вещая всему лесу о грядущей Жизни. Едва лишь начало светлеть, огненные жрицы растаяли. Круг опустел. Марта дотронулась до земли и почувствовала первые ростки. Совсем слабые, подобно зародышам.

– Да будет Воля Твоя! – ведьма поднялась. Теперь оставалось лишь вернуться домой и заварить травяного чая. В скором времени должен прилететь Кёльберг. Теперь ничто не мешало ему пересечь Грань. Разве что какая-нибудь эльфийка, но о сердечных делах брата Марта предпочитала не

думать.

XVIII. Да вспыхнет пламя!

Кёльберг проверил, хорошо ли сидит кинжал в ножнах, погладил коня по гриве и посмотрел на сестру. Марта накрыла корзину с яблоками платком, поправила косу и уселась в седло, приподняв платье. Ворон усмехнулся и вскочил на своего.

– Опаздваюуу, – Тэми вылетела из избы, дожёывая земляничное варенье, уставилась на ведьму, кивнула. И – растворилась в коричневой ткани.

– Не хотел бы я знать, как человечесьё лицо оборачивается лисьим, – Кёльберг поморщился, хоть и сам постоянно взлетал вороном к заполненному звёздами небу.

Марта проверила, насколько сильно обережное заклятье, хранящее дом, и дёрнула коня. Кёльберг и лисица помчались следом.

Они тройкой летели через колдовской лес, прощаясь с русалочьими хороводами, кричащими птицами, полупризраками, что сидели в кустарниках. Даже Леший махал рукой, едва ли не плача.

Спасаясь от людского ига, брат и сестра обратились к лесу-заступнику много веков назад, и тот впустил их в неведомые разрушающим ногам чащи – лишь ведущие и ведомые водились там.

– Неужто к людям летят? – изумилась Кикимора, выглянув из болота.

– К ним, матушка, – пробормотал Леший.

– И зачем же?

– Мир посмотреть, себя показать, – лесной хозяин припомнил усмешку Марты. На приключения напрашивается троица, ой как напрашивается, только кончится ли оно добром?

– Это не им мира бояться надо, а миру их. Вон как лихо скачут!

И правда: почти скрылись из живого леса кони вместе с лисицей. Перестали звенеть ведьмины бусы, стих боевой клич Кёльберга. Ушли брат с сестрой, прихватив лисьего ребёнка, искать новых друзей и побеждать очередных врагов.

А грустно оно будет или весело – кто знает!

Часть 2.

Ярмарочное колесо

I. Лисья весна

1.

Огромные красные яблоки, мягкие персики, а напротив – целые горы тканей всевозможных расцветок. Глаза Тэми разбегались. Ей безумно хотелось сбросить плащ, перевоплотиться и схватить что-нибудь сладкое зубами, а после убежать на всех четырёх.

– Успеешь ещё налюбоваться, – Кёльберг схватил девушку за руку и потащил сквозь ряды. Благо, он был старше лисицы и прекрасно понимал, что им троим в случае чего не уйти от стражников.

– Помедленнее! – Тэми нахмурилась. Она даже не успевала ничего разглядеть, кроме пёстрых шатров и лотков, наполненных всякой всячиной.

С тех пор, как они покинули Ведьмин лес, прошёл уже целый месяц. Кёльберг устроился подмастерьем у сапожника, Марта – помощницей местного знахаря, а Тэми промышляла воровством у зажиточных крестьян и даже не думала менять ремесло. А что? И выгодно, и весело!

– Бросала бы ты это дело, – Кёльберг качал головой, но лисица его усиленно не слушала. Не то чтобы ей честным трудом зарабатывать не хотелось – просто кровь кипела и требовала сотворить что-нибудь эдакое, пакостно-любопытное.

В глазах лисицы заплясали огоньки. Ворону оставалось лишь тяжело вздохнуть.

2.

Цыганка кружилась в танце, звеня бубенцами. Из-под цветастых юбок выглядывали кружевные башмаки. Грех не заглядеться на такую! Только Тэми больше привлекал толстый кошель.

Судя по одеянию, то ли воин, то ли слуга знатного человека. Такой и за руку схватить может, только вряд ли заметит – уж слишком томно смотрит на плясунью.

Подкрасться тихо-тихо. Достать на ходу нож. И аккуратно срезать, чтобы деньги не посыпались и путник ничего не почувствовал.

– Ах ты! – человек, завидев Тэми, замер. Сердце лисицы ушло в пятки. Попалась! Да ещё посреди толпы!

3.

– Дрянное у тебя ремесло, – названный Ринаром допивал вторую кружку эля. – Попадись кто другой, сидела бы уже в холодной.

Путник не злился – сидел в трактире, пил и рассказывал дивную историю о том, что он якобы потомок древнего рода, только последний вымер, а его самого отец отправил восво-
яси за вольнодумство и желание жить не по указке. Вот уж истинный сказочник!

– А я перевёртыш, – усмехнулась Тэми. Интересно, поверит или нет? – Превращаюсь в лисицу и бегаю по улочкам на всех четырёх. Пугаю прохожих и краду, что плохо лежит.

– Так вот почему у нашей соседки куры пропадают! – засмеялся Ринар. – Она, бедная, уже столько пожертвований в церковь отнесла! А ведь могла бы на эти деньги второй курятник отстроить или доброго стража нанять!

Догорающий закат говорил, что надо возвращаться домой, иначе Марта будет волноваться. Ринар решил было её проводить, расплатившись с трактирщиком.

Лёгкость и весенний запах кружили голову.

...Первый поцелуй случился совершенно внезапно, как и желание бежать подальше, пока внутри не растворится рой бабочек.

4.

Марта погладила чёрногривого. Жаль было снова его напрягать, только дорога у них дальняя. Тэми долго хмурилась, даже колебалась, а стоит ли оно того.

– Можешь остаться, я не обижусь, – ведьма пересчитала накопленные монеты.

Ринар хорош собой. Статен. Галантен (на первый взгляд, по крайней мере). А ещё наверняка каждый вечер перецеловывает кучу девушек, даже не запоминая лиц. Скорее всего, он её даже не вспомнит.

– А вот я обижусь! – фыркнула лисица. – На себя.

...И тройка коней пустилась в галоп, меняя каменные стены и узкие улочки между домами на просторные поля и крестьянские деревеньки.

Если удалось сбежать – значит, не судьба вовсе, ибо последняя обязательно догонит.

II. Неугомонные

1.

– Тэмира! – Марта вылетела за порог, но лисицы уже и след простыл. – Твою ж!...

Лисица неслась, поддаваясь дивному зову. Миновать поле подсолнухов, подмигнуть затаившейся русалке (да, они не только в речках водятся), перепрыгнуть сквозь огромный овраг у опушки и оказаться на полпути к деревне. И – самое главное – прокрасться во двор мимо собак, схватить с верёвки подходящий сарафан и затаиться в чужом хлеву.

Вот тебе и девица-краса, локоны до пояса, вишнёвые губы, а формы такие, что едва ли не каждая от зависти в колодец рухнет.

И – р-раз! – скакнула к дому старосты, взрослого детины, во всём покорного матушке. Сверкнула пару раз глазами, похлопала ресницами – и растаял мужичонка, едва ли не в храм был готов тащить, но обошлось дело.

Опоила его Тэми, прихватила, что ярко сияло и вкусно

пахло, а сама была такова. Обернулась снова четырёхлапой и исчезла за опушкой.

– Ох и неугомонная! – ругалась Марта, глядя на добычу. Опять люд из соседней деревни плохие новости принесёт, мол, завелась нечисть эдакая.

– Мелочи, – фырчала Тэми. – Видела бы ты его медовую рожу! «Ох сладкая моя, не соизволишь ли кваску отведать?» А у самого глазёнки-то блестят!

Ведьма поморщилась так, будто откусила добрую часть лимона. Да, пришедшая весна сильно ударила, и по лисице тоже. С первым теплом носилась Тэми по ближайшим посёлкам, дурила головы молодцам, а кого и вовсе норовила загрызть.

Молодчики поддавались чарам – а лисица хохотала и игралась коварней прежнего, заставляя собственноручно всё ценное из дома выносить и подавать с поклоном Лешему.

– Осторожнее будь! – вздыхала Марта в очередной раз.

А у Тэми в голове – наполненный цветочными запахами воздух, хохочущий, толкающий на подвиги во имя веселья!

2.

– Ну и где эта ваша нечисть? – Ринар скучающе осматривался по сторонам.

Сидели стражники на лесной опушке, откуда, судя по рассказам, и появлялась загадочная девица. Одни поговаривали, что у неё из-под юбки выглядывает чёртов хвост, другие приписывали рога и свиные уши.

– Тьфу, опять бредни, – в сердцах сплюнул стражник. – Напьются, вот и мерещится всякое!

Покараулили, обошли три деревни, да никого так и не заприметили, кроме вороньей стаи. Вилась вокруг, каркала так, что хотелось всех до одного перестрелять. Жаль, стрелы не казённые.

3.

Кёльберг самодовольно ухмылялся, то и дело подталкивая Тэмиру к новым приключениям.

– Ну чего тебе стоит? Вон дружок твой, Ринар, ночами из-за тебя глаз не смыкает, всё ждет!

– Не дружок он мне!

Лисица искренне надеялась, что они уберутся поскорей и подальше. Не будут же вечно сидеть!

– А ты ему гостинцев испеки, авось подobreет, – продолжал Кёльберг.

Тэми не выдержала. Благо, кочерга оказалась рядом, только ворон оказался удивительно изворотливым и залез на печку, всем своим видом показывая, что не сдастся без кровавого боя.

Ринар... Да она его забыла почти! А лапы размять до жути хотелось. Хотя бы по полю пробежаться и вцепиться зубами в яркий подсолнечник!

Карканье стихло. Кёльберг выглянул в окно и увидел, как стражники отдаляются под недовольные возгласы крестьян.

Исчез с горизонта знакомый плащ, вместе с ним растворился весенний ветер. Оно и неудивительно, ведь до Литы оставалось всего ничего. Хотя в этих краях праздник зелени и огня называли Купалой.

III. Ночь огня

1.

– На Ивана, на Купала красна девица гадала, – разливалось отовсюду, хотя для вечерних песнопений еще было рановато. Солнце стояло над землёй высоко и даже не думало пока заходить за горизонт.

А люд уже сверкал лентами, венками, куклами из тканей. Кто-то шёл на ярмарку, кто-то возвращался оттуда разряженный, а кто-то готовил корзины, собираясь в пламенную ночь заполнить её до верха целебными травами.

Почти все молодые девки крутились у берега речки. Из распушенных волос торчали ветки полыни, ивы, мяты. Самые проворные заговаривали воду, чтоб понесла сплетённый венок к суженому и повенчала их. Не знали молодницы, что за ними, посмеиваясь, наблюдал Водяной, чудом сбежавший из-под присмотра Кикиморы.

А вот Марте было не до гуляний – впереди ночь Огня, когда природа пляшет и поёт, выращивая повсюду дивные травы, которых в иную пору не сыщешь. Расцветали они во

всей красе, только от людского глаза постоянно прятались.

Ведьма сплела из платка котомку и покинула избу. Зачарованный купец так и остался сидеть на месте.

– А ему это точно не повредит? – младшего брата терзали сомнения.

– Поспит день-другой – и оклемается, – фыркнула Марта.

Вообще-то они сперва пытались по-доброму, мол, впустите бедных странников переночевать в сени, и будут вам за это монеты и человеческое «спасибо», но купца подобное не прельщало. Пришлось уговаривать, точнее – заговаривать, чтобы знал, каково добрым людям отказывать.

Ведьма исчезла в лесу, оставив брата и подругу наедине. Те пожали плечами и разбрелись: один пошёл за ягодами и вином, вторая – плести венок и гадать. Тэми даже задумалась: а на кого, собственно? Воспоминания о первой горечи, отдающей эльфийским запахом, растворились спустя две зимы, а другой и не было.

«Да без разницы, просто на любовь!» – сказала себе и помчалась к речке.

Ягодное вино лилось рекой, разжигая пламя в телах. Девки кружились среди костров, одни с парнями, другие сами по себе, и не было ни единой души, которая не сливалась бы с остальными. Венки лишь чудом не падали с голов, хотя находился молодец, что хватал с головы травяное украшение, а потом утаскивал саму девку подальше от чужих глаз.

Лесная любовь сливалась с человеческой, и казалось, что весь мир пульсирует и кружится — лишь луна холодно смотрит и усмехается, а звёзды вторят ей и перемигиваются.

Ты пляши, пляши, девица,

У крылатого огня,

Как присядешь же напиться,

Повстречаешь тут меня.

Будем долго миловаться,

Аж до самого утра,

Будешь ждать и волноваться —

Я скажу, что мне пора...

Тело Тэми горело. Казалось, что жар растекается от самого сердца и земля под босыми ногами вот-вот вспыхнет. Кто-то хотел было её схватить, но она увернулась и, скакнув через пламя, растворилась среди пляшущих. Отовсюду звенела музыка и раздавались похабные песенки о звонкой любви, которую так легко скрывает ночь.

Не обошлось и без горечи – на другой стороне реки две девки рвали друг дружке волосы, не поделив славного парня. Только тот давно уже исчез, пока влюблённые и пьяные, подобно двум собакам, дрались с жуткими криками.

Тэмире захотелось найти ведьму и поворожить, но той как будто след простыл. Не было Марты ни среди костров, ни среди милующихся (а может, спряталась-таки с кем-нибудь?). А речная вода тем временем уносила всё больше венков в неизвестность. Особо лихие молодцы выхватывали их и подплывали к девицам. И казалось, что не будет этой пляске ни конца, ни края, и всё будет сливаться со всем целую вечность.

Но нет – как пропели третьи петухи, растворилось вино, на месте пламенных языков остались пепелища, а звуки сви-

рели сменились тишиной. Лишь природа по-прежнему ликовала, заставляя зелёную листву колыхаться, а нетронутые венки – плыть дальше, сквозь чёрные воды.

На рассвете деревню покинули двое: ведьма с котомкой, заполненной травами, и её напарница. Что правда, то правда: голова у Тэми была до сих пор хмельной, зато в сердце поселилась надежда на скорую и счастливую любовь.

3.

Как только ягодное вино коснулось губ Кёльберга, медальон с эльфийской руной предательски обжёг кожу. Не до веселья стало ворону, ибо тонкая ниточка, соединявшая его с человеком роднее сестры, тряслась и грозилась вот-вот разорваться.

Раз, два – и с криком обернулся птицей, расправил крылья и взлетел. Сквозь костры, чужой хохот, казавшийся теперь зловещим, сквозь лунную ночь, лишь бы только добраться до Каменного города и спасти Её.

«Лилиэль!»

IV. Свадебное

1.

Достойные девушки соблюдают традиции, как нечто святое. Они внемлют родительской воле, что бы там ни говорило сердце. Его стоит заткнуть, а вот чем – предстояло решить самой Лилиэль.

Лёгкие шелка, изумрудные и сапфировые ожерелья даже рядом не стояли с рассказами о дивном лесе за далёкими-далёкими горами, где каждый наслаждается волей и залиvisto поёт.

Но Лилиэль верна своему народу, она не пойдёт против святейшего, не скажет «нет» тем, кто дал кров и имя, растил, подобно цветку, чтобы однажды обвенчать. С кем – не важно, ибо сердце уже давно сделало выбор. Такой, что родители были бы в ужасе.

Она собиралась, как настоящая невеста – самая сияющая и элегантная, чтобы каждый замирал от восхищения. На пепельных кудрях сияли гранаты, белоснежное платье переливалось на солнце.

Как саван.

2.

«Shcrong, Kölbergu, shcrong!» – отзывалось глубоко внутри.

Горящий талисман вещал о беде и заставлял забыть об усталости. Не зря он не хотел улетать в этот раз. Кёльбергу нравились узкие улочки, увешанные лианами и корзинами разнородных цветов, лазурные огоньки лепестков с багровыми искрами и ароматы эльфийских духов.

А ещё – Лилиэль, сотканная из чистого света.

«Ещё раз увижу тебя с моей дочерью, – старый эльф открыл незапертую дверь и осёкся, увидев пустую комнату. – Чёртов перевёртыш!»

Тем временем впереди замаячила вереница горных хребтов. Вот она, грань, отделяющая дивный народ от человеческих глаз!

«Сильнее, Кёльберг, сильнее!» – и он нёсся с надеждой, что успеет.

3.

10 дней Лилиэль прощалась с семьёй, прежде чем войти в новую жизнь. В их глазах она оставалась достойной, и это не могло не радовать. Несмотря на старые ссоры и наказания.

Впереди – танец. Эльфийка двигалась, как требовал ритуал: шаг за шагом, затем – круг. Заученные движения, заготовленные слова. Звон браслетов, улыбки гостей и совершенно чужой жених. В какой-то миг она сбилась, услышав знакомое карканье. Кёльберг?

Ворона в храме не было, но родное слово резануло по сердцу и заставило вспомнить.

Лилиэль – достойная эльфийка.

А ещё у неё есть сердце, и ни им, ни честью она не готова была поступиться.

...Острый кинжал резко вошёл между рёбрами, заставив вздрогнуть от боли. Белоснежное платье утонуло в багровом.

4.

«Мой медальон — моё сердце, и я отдаю его тебе, несмотря ни на что. Даже если все боги против нашей связи».

Чёрная пустота разрасталась с жуткой скоростью, разъедая сущность. Ворон не чувствовал ни ненависти, ни боли, казалось только, что рёбра онемели. Каменный город со светящимися цветами превратился в нечто жуткое, утопающее в гнили, а его жители стали тенями, без единого луча.

Как бы ни шипела душа, разумом Кёльберг понимал: чем раньше он вернётся к сестре, тем скорее стихнет боль.

V. Закатное

1.

Запах полевых цветов и озёрная прохлада порождали дурман. Лисица с упоением лежала среди трав и любовалась блестящей гладью, пока Марта следила за варевом в котелке.

– О, никак Полудница, – Тэми вгляделась вдаль и увидела белёсую тень. Та кралась аккуратно, минуя местную нечисть.

– Зря старается, – усмехнулась Марта. – Они если и засыпают в поле, то только с крестом и косой в руках.

Тень растворилась вдали. Зато приближался некто другой. Лисица с любопытством смотрела, как чёрная точка в небе постепенно снижается и кружит над полем. Ей много чего хотелось высказать Кёльбергу, начиная от возмущения. Это ж надо было бросить их в разгар огненной ночи и молча исчезнуть!

Ворон приземлился рядом с Мартой. Та поняла брата без слов, ощутив, как разрывается сердце Кёльберга.

– Выросли вы совсем, – покачала головой ведьма. – Не переживай: сейчас прогоним твоё горе.

...Ругать ворона последними словами лисице неожиданно расхотелось.

2.

В лесной ночи осталось много слёз и воспоминаний о той, с кем Кёльберг проводил зимовку. Благо, зелье сестры подействовало, и душу обернул покой. Ворон тенью плёлся следом за ведьмой и лисицей, борясь с желанием упасть и колотить руками землю. Только городские стражники не так поймут, и будет ещё хуже.

– Ярмарка! – Тэмира, завидев цветастые шатры и призывы торговцев, устремилась в самую гущу. Марта с беспокойством взглянула на брата и пошла в ближайшую таверну. Зелья зельями, а выпить и выговориться ворону надо было. Биться о землю, стучать по столу, стонать, кричать – что угодно, лишь бы не заталкивать горе внутрь, где оно будет разрастаться подобно чудовищу.

3.

Хороводы, песни, цыганские юбки и всеобщая радость ка-

зались настолько фальшивыми, что хотелось свернуться в клубок и затаиться в тёмном уголке. А ведь Тэми любила ярмарки – каждый раз носилась посреди лотков, и только Кёльберг вовремя останавливал, чтобы от излишней радости не разнесла прилавок.

«Негоже друзей бросать, ой негоже», – ноги сами увели от всеобщего веселья к таверне, где обосновались ведьма и ворон.

4.

– А сейчас перед вами выступит знаменитый Эллиат, сказочник и путешественник! – аплодисменты и крики прижились так некстати, что Марта пожалела о решении отправиться в город. Кёльбергу наверняка хотелось забиться в угол потише, а не попасть в разгар непонятно чего.

Тем временем на сцену поднялось нечто, одетое в багровый балахон. На шее блестела защитная руна. Ведьма удивлённо уставилась на путника.

Конечно же, она узнала своё первое и давно забытое горе.

– В далёком лесу, скрытом от людских глаз, жили-были, – прозвучал до боли знакомый голос, – ведьма, её брат-ворон

и лисица-перевёртыш...

Тэмира впервые увидела, как Марта залпом пьёт эль, а Кёльберг в один миг оживает и оттаскивает сестру к выходу. От греха подальше.

А потом – снова в дорогу, к неизведанным краям с моря-ми-океанами и горными ручьями, ибо только они способны омыть раны.

Эпилог

1.

– Не везёт тебе в любви, – Марта всматривалась в выложенные крестом карты. – Одни мечи, а в конце и вовсе тройка. Разбитое сердце, считай.

Рыцарь пригорюнился и стал ещё сильнее теребить кружевной платок в руках – последнее напоминание о Прекрасной Даме, которая исчезла на несколько дней и обнаружилась в постели товарища.

«Я даже знаю, почему. – Тэми, слолав свежеукраденную курицу, валялась на мягком коврикe. – От такого сального запаха даже последняя уродина сбежит. Интересно, когда он в последний раз мылся?»

Пока Марта отпаивала не в меру впечатлительного гостя мятным чаем, лисица глазами осматривала столы в поисках того, что плохо лежит и прямо-таки просит себя забрать. Так, на запас, когда желудок жалобно заурчит.

Ботинки рыцаря тоже, как ни странно, слегка пахли мясом, но выглядели уж совсем непривлекательно.

– Давай проветрим, а? – выдала лисица, когда Марта захлопнула за гостем дверь, предварительно расписав дорогу. – Вот и хочется обернуться девицей, соблазнить на «подвижки», но я ж помру, причём не от меча. Откуда вообще в нашем лесу люди завелись?!

– Ну, – Марта отхлебнула чаю, – человеческой крови в нём чуть больше, чем во мне.

Лисица перевернулась со спины на живот и уставилась на колдунью так, будто впервые увидала болотную кикимору с выводком.

– Мы с его бабкой на одном шабаше плясали, – пояснила ведьма. – Сильная была чародейка: тёмная-тёмная, а как глянет – так дерево рядом упадёт. Внук, правда, не в неё пошёл, но кровь своё кое-где берёт.

– И он об этом, конечно же, даже не догадывается, – хотнула лисица, вспоминая рассказы Марты о том, как сильно белые рыцари презируют ведьм и всякую нечисть. Иные из храма почти не вылезают, разве только в постель к прекрасным дамам и походы, а тут – нате! Ох и судьба, ох и шутница!

Залетевшая в гости Тампт раскрыла от удивления клюв и уронила на пол сверкающее ожерелье с эльфийскими рунами (у Доброго стащила, не иначе!). Поражаться было чему – не каждый день видишь, как Тэмира катается по полу и фырчит, смеясь. Ворона поискала кастрюлю от глинтвейна, но той нигде не было.

А к первому дню весны рыцарь притащил целую корзину подснежников и упорно отказывался уходить, пока Марта не примет подарок.

Только у них – разные дороги, и ведьма прекрасно знала это. Как сошлись, так и разойдутся.

2.

– А у тебя весь нос в корице! – Тэми пронзительно чихнула и насупилась, всматриваясь в чёрный котелок, над которым колдовали руки эльфа.

Добрый осознавал, что добром оно не кончится, и чем скорее лису отвадить, тем легче ей же будет.

Лишь бы только не оставалась одна.

Тэмира не знала. Ни о том, что эльф искренне хотел по-

мочь и воспринимал её как ребёнка (ещё бы – он-то на два поколения старше!), ни о том, что сам попросил Марту приглядеть за лисой.

«Только не сейчас, не посреди метели».

3.

Лошади мчались сквозь берёзовую рощу. Лисица крепко держала поводья и чуть ли не кричала от восторга, чувствуя ветер. Вот он, оставляющий старое и больное позади и открывающий врата в нечто невиданное!

Хороводы, ярмарки, поиски полевой русалки, совместные гадания и корабли. Обязательно корабли, рассекающие волны под тихое пение обитателей вод.

– Да здравствует свобода! – не сдержалась-таки Тэмира.

– Да здравствует природа во всём её величии! – вторила ей Марта.

– И да здравствуют крылья! – подхватил Кёльберг.

Это был даже не шаг – скачок в загадочную неизвестность. И что-то всем троим подсказывало, что всё обязательно об-

разуется, даже если вначале настигнет черед бед.

Часть 3. Чумное время

I. Пляска стихий

1.

Он поселился в глубине горных хребтов, посреди густого леса, который напоминал о далёкой родине. Местные жители сперва относились с подозрением, но после привыкли. Подумаешь, живёт себе человек вдалеке от всех, ничем не интересуется, ни на кого не смотрит. Не знали они одного – что Кёльберг обращался в ворона, взмывал в небо и смотрел на раскинувшиеся леса долго–долго, порой – целыми днями и ночами. Он знал: где–то там варит зелья сестра, бродит Тэмира, а ещё сияет в рунном круге эльфийский город.

Кёльберг ушёл от всех из нужды в одиночестве. Сколько ни засматривались на него местные девушки, ему до них дела не было. Его сердце радовали журчащие ручьи, кроны могучих деревьев, горный воздух и местная нечисть, которая так и норовила схватить за плечо, чтобы напугать до смерти.

А ещё – багрово-божественные закаты и рассветы, когда звёздная синь сменялась алыми росчерками. Он не мог не восхищаться бесконечной борьбой Солнца и Луны!

Так жил ворон, полностью отдаваясь горному лесу и рас-

кидывая руки у самого края. Пусть сбивал сильный ветер, но ему эта стихия как раз по плечу, ибо ладони окутывались перьями и человеческий образ растворялся среди черноты. Зоркой, летящей и поющей от радости.

Слияние с ветром – это момент, который Кёльбергу хотелось переживать снова и снова.

«И пусть остатки моего сердца навек сольются с Природой!»

2.

Прикасаясь к траве, Марта ощущала силу земли. Она – дух Мудрости, открывающий силу к знаниям. Всё, что нужно было ведьме, находилось в лесу. Оно находилось на поверхности или пряталось в глубине почвы.

Редкие травы Марта искала. Иногда – просила Лешего, и тот приносил всё, что нужно, в обмен на гостинец. Такое бывало редко – чаще земля отвечала ей, и рядом с домом появлялись невиданные в краях растения.

Летом земля насыщалась соками и давала невероятный урожай, осенью постепенно засыпала, а зимой, как и почти всё живое, спала глубоким сном и не отвечала на мольбы. Но к приходу Морозной Матери ведьма готовилась хорошо – целый сарай засушенных трав, разных напитков и куча брёвен. Да, приходилось иной раз рубить ветви деревьев, но и в обмен надо было давать Силу, чтобы вырастали могучие кроны.

Земля любит баланс и делится лишь с теми, кто его со-

блюдает. Иным – кара. Заберёшь последнюю пищу у неё – значит, в следующий раз будешь голодать. Отнимешь детей – больше не даст. И ведьмы чтили этот закон больше, чем кто-либо. Потому что слишком хорошо знали последствия.

3.

Тэмира плясала среди костров и совсем не чувствовала усталости. Она играла с юношами, дразнила девиц, а ещё очень любила оборачиваться лисицей и красть кур. А в глазах – пламя, неутолимая жажда приключений, которая заставляла её пускаться в бег и гнала то к людям, то в Ведьмин лес, дразнить Лешего, птиц и пугать тех, кто волей случая оказался рядом с колдовскими тропами.

Но больше всего её притягивал Огонь. Захочешь приманить лисицу – разжигай костёр и жди. Как только пламя разгорится, явится собственной персоной.

Тэмира слышала его за несколько вёрст. Люди часто пили багровые языки собственными записями, не зная, что пламя впитывает чернила и рассказывает. Лисица не раз слышала сожжённые истории и удивлялась. Были там и деловые интриги, и любовь, и совершенно неинтересные расчёты.

Огонь говорил – она слушала. И насыщалась энергией.

«Вот ведь неугомонная!» – говорила Марта и была права. Потому что внутреннее пламя требовало пищи – Знания, бешеного бега или интриги.

II. Камни

Тэмире казалось, что ещё немного – и Марта окончательно переселится в пещеру и будет возлежать на горе из цветных камней, подобно дракону. Разве что – не драгоценных, а других, более живых, что ли.

Чего только у Марты не было! Все полки камнями застилали, а уж оберегов – то сколько из них наделала!

– И зачем тебе столько? – лисица принюхивалась. Да, от них действительно исходила энергия. Да, они могли говорить, причём иногда – друг с другом. Но места в избе становилось всё меньше.

– Потому что из глубин земли, – Марта их бережно перебирала. Одни поглаживала, к другим прикасалась с осторожностью. В такие моменты казалось, что ведьма вступала с ними в незримую связь.

... И кто вообще решил, что камни – мертвы?

– Уж если что и привлекает беду, – зевнула она, – так это золото, серебро и всякие блестящие побрякушки. Наденешь раз – и всё, найдут где-нибудь в канаве, если вообще искать будут. Ух, сколько крови на них! Удивительно, как людям не надоело эту пакость в руки брать.

– Зло же, – фыркнула Тэмира. – Его – то им всегда не хватает. И чем больше зла, тем гнилее душа.

Ведьма рассмеялась. Какой абсурд – и в то же время правда! Кристаллы зазвенели в ответ, словно подтверждая слова лисицы. Если присмотреться, то можно было заметить, что в глубинах некоторых забилося маленькое пламя. Как в драконьем яйце.

Тэмира усмехнулась – вот уж истинная любовь к ремеслу и желание творить. А что именно – зависит от настроения.

III. Кровавый Йоль

1. Метель

Много жертв уносила с собой зима, удивляющее жестокая и костяная. Но никогда ещё она не трогала Марту – всегда проходила мимо, едва касаясь ведьминого плеча. А теперь их настигла буря. Бушующая, неуголимая и жаждущая лишь одного. И никакой оберег не спасал от лихорадки. Кёльберг смотрел, как Смерть касается сестры – и видел. На этот раз у дамы с косой было вполне человеческое лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.